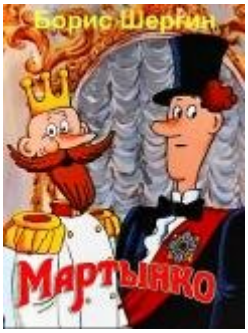

"Мартынко"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Борис Шергин

Мартынко

Мартынко с артелью матросов в море ходил, и ему жира была хорошая. Хоть на работу не горазден, а песни петь да сказки врать мастер, дак все прошшали. С англичанами, с норвежанами на пристанях толь круто лекочет, не узнать, что русский. Годы подошли, взели на военную службу. Послали караульным в стару морску крепость. Место невесело, начальство строго, навеку бедной парень эдак не подчинялся, не покорялся.

Вон оногды на часах у складов и видит: подъехали компания лодкой и учали в футбол играть. Мартына и раззадорило:

– Нате-ко меня!

Ружье бросил и давай с ребятами кубарем летать. В это время комендантова супруга на балкон сели воздухом подышать. Ей от Мартынова пинка мяч в зубы прилетел и толь плотно сел, дак фельшер до вечера бился, добывал.

Мартынку утром суд. Перва вина, что благородной дамы в рот грезной футбол положил, втора вина – с поста убежал. На ночь замкнули в башню. Башня заброшена – хлам, пыль, крысы, паутина. Бедной арестант поплакал, полежал у порога, и захотелось ему исть. В углу стол. Не завалялось ли хоть сухаря в ящике? Дернул вытяжку, есть что-то в тряпице. Развернул, – как огнем осветило – карт колода золотых, на них нельзя насмотреться. А в каземат часовой лезет:

– Тебе с огнем играть!!!

Тут на карты обзадорился, тут сели играть. И видит Мартынко – карты сами ходят, сами на хозяина играют. Часовой арестанту в минуту все гроши продул.

Нас бы с вами на ум, Мартына на дело: «Я этими картами жить зачну». Часовому долг простил, выгонил его, в потеменки раму вынял, железно прутье вышатал да окном и выпал.

Утром арестанта хватились, а он уже в городе, в порту похаживат. В портерной иностранного кептена присмотрел, ему карты показал. Кептен ум потерял, сел с Мартыном, – не то что деньги, с себя мундир проиграл. Мартынко говорит:

– За проигрыш перепехни меня за море на своем пароходе.

Вот Мартынко в заграничном городе разгуливат по трактирам да по пивным. Где карты явит, там люди одичают. Мартынко один с барышом. Денег стало черту на печь не закинуть. Тогда загрустил: «Мне это низко, желаю по своим капиталам в высшее общество». Заказал брюки клеш, портянки сатиновы, нанял такси:

– Вези в трактир, куда первостатейны господа ездят.

Ну, завезли в самолучшей ресторан. Зеркала до потолку, посуда, самовары, публика ослепительно одета.

«А что тако, – думат Мартын, – нисколько не совестно за свои деньги…»

– Эй, молодцы, бутылку водки!

Чтобы ловкость показать – и штопору не взел, а по-мужицки о долонь половинкой как хватит. Пробка соседке в плешь, водка соседу во что ешь… Тотчас вся зала заверешшала, налетели господа с орденами в лентах:

– Вон отсюда, невежа! Твое место под забором с бродягами распивать!…

– На свои пью, не на ваши!

– Ты понимаешь, куда забрался? Этта генералитет, а которы есть и министры, чай пить соизволяют. Король приворачиват. Этта рюмка водки рублем пахнет.

Потащили бажоного вон за шиворот. Бажоный затужил:

– Вот как! Вот как!! Набывался в высшем свете.

За прилавок зачалился, карты из-за пазухи вывернул:

– Предлагаю сразиться в картишки.

Эких карт на веку никто не видывал. Льзя ли отказаться? И проиграла почтенна публика и коней, и кореты, и одежду, и штиблеты. Мартынко ихни брюки да сертуки нафталином посыпат да в ломбард отправлят. Далее удоволился, говорит:

– Содвигай столы! Угощаю пострадавших за свой счет!

Этим генералам да профессорам все одно делать нечего. Голой домой не побежишь. У кого дома телефон, позвонили, чтобы костюм послали, у кого телефона нет, – с запиской лакея турнули, а сами сели закусить. Мартынко выпил и отмяк:

– Друзья! Наша игра не более как милая шутка. На фига мне ваши клячи да кареты. Получай обратно ломбардны квитанции. Пущай всяк при своем!

Тут хмель сборол Мартынка. Он поговорил, песенку еще спел да и растянулся на полу. Дежурной генерал с докладом к королю:

– Явился в ресторане субъект, с первого взгляду малостоющий. Выкинул на прилавок необыкновенные карты и этими картами всех до копейки обыграл. Но проигрыши не токмо простил, а и всех собравшихся самолучшим питьем и закусками удоволил.

Король говорит:

– Эта личность где сейчас?

– Где гулял, тамотки и повалился.

Король туда лично пальнул в легковом автомобиле, спрашиват лакеев:

– Где-ка гостя-то положили?

– Они сами под стол удалились.

Мартына ростряcли, душетырного спирту дали понюхать, в сознание привели. Король с им за ручку поздоровался:

mir-knigi.org

– Мимо ехал – и вдруг жажда одолила, не иначе с редьки. К счастью, вспомнил про этот лесторан.

Мартынко осмелел:

– Ваше королевское величие, окажите монаршее внимание с выпитием рюмочки при надлежашшей закуске.

– Ха-ха-ха! Вы в состоянии короля угошшать?

Мартын сидельцу мигнул, лакеи полон стол наносили. Король сколько сам уписыват, боле в чемодан складыват:

– Деточкам свезу гостинчика.

– Не загружайте тары эким хламом, ваше величие. Есть у нас кока с соком в чемодан ложить.

– Это вы не про карты ли?

– Имеются и карты.

Король колоду позадевал:

– Этих картов я и на всемирной выставки не видел.

Сели за зелено сукно. И проиграл король Мартыну деньги, часы, пальто, автомобиль с шофером. Тогда расстроился:

– Тошнехонько машины жалко. Летось на именины ото всей инперии поднесена…

– Ваше величие! Папаша всенародной! Это все была детская забава. Велите посторонним оставить помещение.

Король выпнул публику, заложил двери на крюк, подъехал к Мартынку. Нас бы с вами на ум, Мартына на дело. Говорит:

– Ваше велико! Держава у вас – место самое проходное. В силу вашего географического положения пароходов заграничных через вас плывет, поездов бежит, еропланов с дипломатами летит ужасти сколько. Никакому главному бухгалтеру не сосчитать, сколько через вас иностранного купечества со своима капиталами даром пролетит и проплывет… Ваше велико! Надеюсь, вы убедились, кака сила в моих картах… Поручите мне государственну печать, посадите меня в главно место и объявите, что без пропуска и штенпеля нету через вашу границу ни пароходу проходу, ни ероплану пролету, ни на машине проезду… Увидаете, что будет.

Король троекратно прокричал ура и объявил:

– Министром финанцевым быть хошь?

– Велите, состоим-с!

– Завтра в обед приходи должность примать.

Отвели под Мартына семиэтажной дом, наголо окна без простенков. По всем заборам наклеили, что «через нашу державу без пропуска и министерской печати нет ни пароходу проходу, ни на ероплане пролету, ни на машине проезду».

Вот Мартын сидит в кабинете за столом, печати ставит, а ко столу очередь даже во всю лестницу.

Иностранно купечество, дипломаты – все тут. Новый министр пока штемпель ставит, свои карты будто ненароком и покажет. Какой капиталист эти карты увидал, тот и ум потерял. Не только что наличность у Мартына оставит – сколько дома есть денег, все телеграфом сюда выпишет.

Ну, Мартынкино королевство разбогатело. Сотрудникам пища пошла скусна. Ежедень четыре выти, у каждой перемены по стакану вина. В каком прежде сукне генералы на парад сподоблялись, то сукно теперь служащи завседенно треплют.

Однако соседним государствам ужасно не понравилось, что Мартынко у них все деньги выманил. Взяли подослали тайных агентов – какой бы хитростью его потушить.

Тут приходит вот како дело рассказать. У короля была дочерь Раиска. И она с первого взгляду влюбилась в нашего прохвоста. Где Мартынко речь говорит или доклад делат, она в первом ряду сидит, мигает ему, не может налюбоваться. Из газет, из журналов Мартынкины портреты вырезат да в альбом клеит. Уж так его абажат. А она Мартыну ни на глаза. Он ей видеть не может, бегом от ей бегат. Однажды при публике выразился:

– Эту Раиску увижу, меня так блевать и кинет!

Которые неосторожные слова прекрасно слышали тайны агенты других держав и довели до сведения Раиски… Любовь всегда слепа. Несчастна девица думала, что ейна симпатия из-за скромности на нее не глядит. А тут, как ужасну истину узнала, нахлопала агентов по харе, также отдула неповинных фрелин и упала в обморок. Как в себя пришла, агенты говорят:

– Вот до чего довел вас этот тиран. Конешно, дело не наше, и мы этим не антиресуимся, а только напрасно ваш тятенька этого бродягу в главно место посадил. Вот дак министр с ветру наскочил! И вас своими секретами присушил. Такого бы без суда в нужнике давно надо утопить. Но мы вас научим…

Утром получат Мартынко записку: «Дорогой министр финанцев! Пожалуте выпить и закусить к нам на квартеру антиресуимсе каки таки у вас карты известная вам рая».

Мартынко этой Раи боитсе, а не идти неможно, – что он у ней с визитом не бывал.

Только гость созвонился, агенты за ширмы, а Мартын заходит и от угошшения вежливо отказывается. Заговорили про войну, про погоду. А Раиска речь пересекла:

– Я слыхала, у вас карты есь бутто бы золоты? Я смала охвоча карты мешать.

И зачала она проигрывать деньжонки, кольца, брошки, браслетки, часики с цепочкой – все продула гостю.

Тут он домой сторопился.

– Однако поздно. На прошшанье дарю вам обратно ваши уборы. Мне-ка не нать, а вам от папы

трепка.

А Раиска нахальне:

– Я бы все одно в суд подала, что у тебя карты фальшивы.

– Как это фальшивы?

Она искусственно захохотала:

– А вот эк!

Выхватила колоду да к себе под карсет:

– Докуль у меня рюмку-другу не выпьете, дотуль не отдам.

Делать нечего. Дорогой гость две-три рюмочки выкушал и пал на ковер. В графине было усыпаюшшее зелье. Шпионы выскочили из-за ширмов, раздели сонного догола и кошелек нашли. Тело на худой кляче вывезли далеко в лес и хвоснули в овраг, куда из помойных ям вываливают.

На холоду под утром Мартын очнулся. Все вспомнил:

– О, будь ты проклята, королевнина гостьба! Куда теперь подамся, нагой, без копейки?

Како-то лохмотье вырыл, завесился и побрел лесом. Думат: «Плох я сокол, что ворона с места сбила». И видит: яблоки растут белого цвету.

– Ах, как пить охота!

Сорвал пару и съел. И заболела голова. За лоб схватился, под рукой два волдыря. И поднялись от этих волдырей два рога самосильных.

Вот дак приужахнулся бедный парень! Скакал, скакал, обломить рогов не может. Дале заплакал:

– Что на меня за беды, что на меня за напасти! Та шкура разорила, пристрамила, разболокла, яблоком объелся, рога явились, как у вепря у дикого. О, задавиться ли, утопиться?! Разве я кому надоел? Уйду от вас навеки, буду жить лучче с хичныма хехенами и со львами.

Во слезах пути-дороженьки не видит и наткнулся опять на яблоню. Тут яблочки красненьки, красивы.

– Объистись разве да умереть во младых летах?…

Сгрыз яблоко, счавкал друго, – головы-то ловко стало. Рукой схватился и рога, как шапочку, сронил. Все тело согрелось, сердце звеселилось и напахнула така молодось, дак Мартын на голове ходить годен. Нас бы с вами на ум, Мартына на дело: этих красных молодильных яблоков нарвал, воротился на старо место, рогатых яблоков натряс, склал за пазуху и побежал из лесу.

Дорога в город повела, а Мартынко раздумался: «В эдаких трепках мне там нельзя показаться. В полицу заберут».

А по пути деревня, с краю домик небольшой – и старуха кривобока крыльцо пашет. Мартынко так умильно:

– Бабушка, дозвольте в ызбу затти обогреться. Не бойтесь этих ремков, меня бродяги ночесь раздели.

Старуха видит: парень хоть рваной, а на мазурика не похож – и запустила в кухню. Мартынко подает ей молодильного яблока:

– Баба, на-ко съешь!

Баба доверилась и съела.

– Парень, чем ты меня накормил, будто я вина испила?

Она была худа, морщевата, рот ямой; стала хороша, гладка, румяна.

– Эта я ли? Молодец, как ты меня эку сделал? Мне ведь вам нечем платить-то!

– Любезна моя, денег не надо. А нет ли костюма на мой рост – мужнева ли, братнева ли? Видишь, я наг сижу.

– Есь, дитетко, есь!

Отомкнула сундук.

– Это сынишка моего одежонка. Хоть все понеси, андел мой, благодетель!… Оболокайся, я самоварчик согрею.

Мартыну гостить некогда. Оделся в простеньку троечку и в худеньки щиблеты, написал на губы усы, склал свои бесценны яблоки в коробок и пошел в город. У Раискиных ворот увидел ейну стару фрелину:

– Яблочков не прикажете-с?

– Верно, кисляшши.

– Разрешите вас угостить.

Подал молодильного. Старой девки лестно с кавалером постоять. Яблоко на обе шшоки лижот. И кряду стала толста, красна, красива. Забыла спасибо сказать, полетела к королевны:

– Раичка, я-та кака!

– Машка, ты ли? Почто эка?

– Мушшина черноусой яблочком угостили. Верно, с этого… У их полна коробка.

– Бежи, ростыка, догоняй. Я куплю, скажи: королевна дорого даст!

Мартынка того и ждал. Завернул пару рогатых, подает этой Машки:

– Это для барыни. Высший сорт. Пушшай едят на здоровье. За деньжонками потом зайду.

Раиска у себя в спальны зеркалов наставила, хедричество зажгла, стала яблоки хряпать:

– Вот чичас буду моложе ставать, вот чичас сделаюсь тельна, да румяна, да красавица…

Ест яблоко и в зеркало здрит и видит – на лбу поднелись две россохи и стали матеры, и выросли у королевны рога долги, кривы, кабыть оленьи.

Ну, уж эту ночку в дому не спали. Рога те и пилой пилили, и в стену она бодалась – все без пользы. Как в зеркало зглянет, так ей в омморок и бросат. Утром отправили телеграмму папаше, переимали всех яблочных торговцев, послали по лекарей.

Нас бы с вами на ум, Мартына на дело: наклеил бороду, написал морщины, наложил очки. Срядился эким профессором и с узелочком звонится у королевиной квартеры:

– Не здесь ли больная?

– Здесь, здесь!

Раиска лежит на постели, рошшеперя лапы, и рога на лямках подвешаны. Наш дохтур пошшупал пуп – на месте ли, спросил, сколько раз до ветру ходила, и были ле дети, и были ле родители, и не сумашеччи ле были, и папа пьюшшой ле, и кака пинтература?

Также потребовал молоток, полчаса в пятки и в темя колотил и дышать не велел. Тогда говорит:

– Это вполне научное явление с рогами. Дайте больной съись два куска мыла и ташшыте в баню на снимок.

Она ела-ела, тогда заревела:

– О, беда, беда! Не хочу боле лечицца-а! Лучче бы меня на меленки смололи-и, на глину сожгали, на мыло сварили-и!

Тут Мартын выгонил всех вон и приступил накоротки:

– Я по своей практике вижу, что за некотору подлось вам эта болесь!

– Знать ницего не знаю, ведать не ведаю.

Тогда добрый лекарь, за рога ухватя, зачал ей драть ремнем:

– Признавайся, дура, не обидела ле кого, не обокрала ле кого?!

– О, виновата, тепере виновата!

– В чем виновата?

– У тятенькиного министра карты высадила.

– Куда запехала?

– Под комод.

Мартын нашел карты. Достал молодильные яблоки:

– Ешь эти яблоки!

– О, боюсь, боюсь!

– Ешь, тигра рогатая!

Она яблоко съела, – рога обмякли и отпали; друго съела – красавица стала.

Была черна, суха, стала больша, красна, налита! Мартынко взглянул, и сердце у него задрожало. Конешно, против экой красоты кто же устоит! Глядел, глядел, дале выговорил:

– Соблаговолите шайку воды.

Подала. Он бороду и краску смыл. Раиса узнала, – где стояла, тут и села. Мартынко ей:

– Рая, понапрасну вы на меня гору каменну несли. Это я из-за многих хлопот не поспел вас тогда высмотреть, а теперiче страстно абажаю.

Дальше нечего и сказывать. Свадьба пошла у Мартынка да у Раиски. Песни запели, в гармонь заиграли.

Вот и живут. Мартынко всех в карты обыгрыват, докуль этих карт не украдут. Ну, а украдут, опять и выпнут Мартына.

***

mir-knigi.org